

Награды имени академика К.М. Бэра: история основания, значение

К.В. МАННОЙЛЕНКО

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ihst@ihst.nw.ru

В статье освещена история основания премии академика К.М. Бэра. Уделено внимание участию самого ученого в процессах присуждения наград его имени. Приведены сведения о составе рецензентов и лауреатах престижной среди биологов конца XIX — начала XX в. Бэровской премии. Сделан акцент на конфликтных ситуациях, возникавших в работе конкурсных комиссий, подчеркнут научный, социокультурный аспект существовавшей в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук традиции премиального поощрения учёных за их вклад в развитие науки.

Ключевые слова: Бэровская премия и медаль, присуждение, рецензенты, К.М. Бэр, Чарлз Дарвин, А.О. Ковалевский, И.И. Мечников, Э. Руссов. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук.

В августе 1864 г. в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук (ИАН) состоялось заметное событие: отмечался 50-летний докторский юбилей Карла Эрнста фон Бэра (Karl Ernst von Baer, 1792—1876, в России его обычно называли Карлом Максимовичем). Годы, предшествовавшие этому торжеству, были заполнены неустанным трудом юбиляра в области эмбриологии, зоологии, антропологии, экспедиционной и общественной деятельности.

Спустя несколько десятков лет, в 50-летнюю годовщину со дня смерти К.М. Бэра, в Академии наук была организована выставка, посвящённая его памяти. При её открытии В.И. Вернадский произнёс ставшие ныне крылатыми слова: это был «великий естествоиспытатель и великий мудрец» (Вернадский, 1927, с. 4).

Этапы деятельности

Труды К.М. Бэра, его жизнь, сама личность уже были проанализированы и описаны историками биологии (Холодковский, 1893; Соловьёв, 1934, 1935; Райков, 1961; Назаров, Цуцкин, 2008 и др.)¹. Здесь же целесообразно напомнить лишь главные вехи его исследовательского пути.

Начало научной деятельности Бэра пришлось на 1814 г.: он окончил медицинский факультет Дерптского университета и опубликовал докторскую диссертацию, посвящённую болезням, распространённым среди эстонцев. Однако научное имя Бэру составила не медицина, а эмбриология. По словам Ф.В. Овсянникова (1879), его научная деятельность «сделалась достоянием всего образованного мира».

¹ В частности, предшествующая журналу «Историко-биологические исследования» одноименная серия сборников Института истории естествознания и техники РАН неоднократно обращалась к личности К.М. Бэра. Эти данные были обобщены А.И. Ермолаевым (2010, с. 111).

Своими исследованиями по эмбриологии позвоночных животных (1828–1837) Бэр заложил основы этого раздела науки. В 1817 г. немецкий анатом и физиолог К.Ф. Бурдах (1776–1847) пригласил его на работу в Кёнигсбергский университет, где он и выполнил свои знаменитые исследования. В 1819 г. Бэр становится экстраординарным профессором зоологии этого университета.

В 1827 г. Бэр открыл и описал яйцо у млекопитающих, провёл сравнительно-эмбриологические исследования с яйцами многих видов животных. Результаты этих работ, свидетельствующие о единстве происхождения позвоночных, он изложил в книге «О происхождении яйца млекопитающих и человека» (1828), которую посвятил ИАН. К числу несомненных заслуг учёного относится также открытие бластулы, что явилось фактическим обоснованием опровержения концепции преформизма. К.М. Бэр установил и исследовал закономерности индивидуального развития организмов, рассматривал соотношение онтогенеза и филогенеза. Н.Н. Воронцов (1999) справедливо подчёркивал, что последующие исследователи этого вопроса, в том числе Ч. Дарвин, Э. Геккель, А.Н. Северцов, основывались на фактическом материале эмбриологических трудов Бэра.

С ИАН Бэр был связан с конца 20-х гг. XIX в., поскольку в декабре 1826 г. состоялось его избрание иностранным членом-корреспондентом (Академия наук... 1974, с. 39). В апреле 1828 г. он был избран ординарным академиком по зоологии и в соответствии с уставом Академии наук должен был проживать в Петербурге.

Академия наук создала Бэру необходимые условия для продолжения эмбриологических исследований, удовлетворила выдвинутые им просьбы финансового свойства. Однако семейные обстоятельства сложились таким образом, что после трехмесячной командировки в Лейпциг и Кёнигсберг он направил в Академию наук просьбу об освобождении его от службы. На его место в Академию наук был избран в 1832 г. зоолог Ф.Ф. Брандт (1802–1879).

С 28 октября 1830 г. Бэр стал иностранным почётным членом Академии. Он трудился в Кёнигсбергском университете, был профессором медицинского факультета, но постепенно укреплялся в намерении вернуться в город на Неве, связать свою деятельность с Академией наук. 11 апреля 1834 г. он был вторично избран ординарным академиком и переехал в столицу России.

Перед учёным открылись перспективы научных путешествий, исследовательской работы в новых направлениях, возможности проявить свои способности организатора науки.

Первая экспедиционная поездка Бэра состоялась в 1837 г. на Новую Землю. Он провёл комплексное естественнонаучное изучение этого северного края, собрал данные метеорологического и геологического характера, определил особенности флоры и фауны Новой Земли. Из экспедиции Бэр привез для Академии наук ценные ботанические, зоологические и минералогические коллекции.

Оценивая методы и итоги проделанной Бэром на Новой Земле работы, М.М. Соловьёв выделил главное — комплексный характер изучения природы. Это стало возможным благодаря феноменальной способности Бэра «к осознанию целого». Вслед за ним, отмечал М.М. Соловьёв (1934, с. 49), по пути исследования полярных стран «пошли люди такого же широкого ума и охвата знаний — Миддендорф, Норденшильд, Нансен».

Спустя три года, в 1840 г. он вновь совершил научную поездку, побывал на Кольском полуострове, где провёл изучение беспозвоночных Ледовитого океана. Его спутниками

были профессор А.Ф. Миддендорф и студент Петербургского университета Панкевич (подробнее см.: Сухова, Тамиксаар, 2005).

Позднее Бэр исследовал Чудское озеро в ихтиологическом отношении. Проблемы рыболовства и рыбоводства лежали в основе его «знаменитых Каспийских экспедиций», которые состоялись в 1853–1857 гг.

Экспедиции на Волгу и Каспийское море стали важным этапом научной деятельности академика Бэра. Он обследовал Каспийское море в физическом и ихтиологическом отношении, установил видовой состав рыб Каспийского моря, выявил факторы, определяющие состояние его рыбного хозяйства.

В 1862 г. Бэр принял участие в изучении причин обмеления Азовского моря. Во время этой экспедиции им была собрана богатая коллекция беспозвоночных животных.

Помимо научной и организационной деятельности в Академии наук, Бэр с 1841 по 1852 г. преподавал в Медико-хирургической академии. По свидетельству Н.А. Холодковского (1858–1921), он принёс немалую пользу этому известному медицинскому учебному заведению России. Холодковский отмечал, что Бэр совместно с Н.И. Пироговым и К.К. Зейдлицем «энергичными хлопотами» добились учреждения при Медико-хирургической академии анатомического института (Холодковский, 1893; см. также: Журавлев, 2011).

В деятельности Бэра важное место занимала его работа в научных обществах. Необходимо отметить, что в 1845 г. Бэр был одним из создателей (вместе с Ф.П. Литке и Ф.П. Врангелем) Русского географического общества и в течение трех лет (1845–1848) возглавлял его Этнографический отдел (Сухова, 1998).

Он приложил усилия и к основанию Русского энтомологического общества. В 1859 г. был избран его первым председателем.

В октябре 1862 г. Бэр вышел в отставку, завершил службу в Академии наук. Он был причислен к Министерству народного просвещения, произведён в тайные советники. Однако его научные связи с ИАН сохранялись. 2 ноября 1862 г. он был избран почётным членом, с правом присутствия и голоса в заседаниях Академии наук.

Спустя два года, как говорилось выше, в августе 1864 г. был торжественно отмечен юбилей учёного. С докладом о жизни и трудах Бэра выступил А.Ф. Миддендорф. Ответную речь, полную «ума, бодрости и добродушного юмора», держал сам юбиляр. Это был настоящий праздник науки, с большим числом депутатий, массой приветственных писем и телеграмм. На юбилейной медали, выбитой Академией наук в честь Бэра, был изображен его профиль, который обрамляла надпись: «Начав с яйца, он показал человеку человека».

Прозвучавшее на юбилейных торжествах предложение учёных об учреждении премии имени Бэра нашло поддержку в Академии наук и стало воплощаться в жизнь. Уже в сентябре того же 1864 г. на заседании Физико-математического отделения состоялось обсуждение выдвинутой инициативы.

Бэр сформулировал первоочередные задачи работы по выработке положения о присуждении премии его имени, считал необходимым создать комиссию из членов Физико-математического отделения для составления совместно с ним проекта правил премий за сочинения по естественным наукам. В состав комиссии вошли: К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт, О.Н. Бетлинг, К.С. Веселовский, Ф.В. Овсянников и Л.И. Шренк².

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 110. Л. 77.

От опыта предшественников к новациям

Следует отметить, что практика присуждения премий за научные труды — творения «о всех отраслях человеческих познаний», включавших естественные науки, в Академии наук существовала и ранее. Это были знаменитые Демидовские премии, учрежденные в 1830 г. благодаря инициативе и финансированию крупного промышленника П.Н. Демидова. ИАН тогда возглавлял (1818—1855) С.С. Уваров (1786—1855). Были разработаны четкие правила награждения учёных за наиболее значимые работы. Рецензирование представляемых на конкурс работ осуществлялось в основном академиками. Решения выносились конкурсными комиссиями, представленные отчёты заслушивались на общих собраниях Академии. За время действия Демидовских премий лауреатами стали многие естествоиспытатели.

Бэр принимал деятельное участие в работе конкурсных комиссий по присуждению Демидовских премий. Поэтому к основанию премии своего имени он подошёл имея солидный опыт организационной работы в этом направлении.

В историко-научной литературе к настоящему времени имеются обзоры о Демидовских премиях по астрономии, биологии, географии, горному делу, медицине, педагогике, химии, литературе и языку (Мезенин, 1987). Ботанике и её прикладным направлениям ещё не уделено должного внимания. Между тем интересно и здесь проследить за динамикой конкурсов, получить обобщённое представление о корпусе материалов по Демидовским премиям в области ботаники и её прикладным направлениям, расставить новые акценты (Манойленко, 2006). Рассмотрение отчётов о присуждении премий с 1832 по 1865 г., знакомство со списком лауреатов Демидовской премии по ботанической тематике позволяют выявить приоритетные направления в середине XIX в., увидеть тенденции развития науки о растениях. Из всех разделов этой науки на первое место выходили систематика, флористика и география растений. Наиболее значимые работы в этих областях — К.И. Максимовича и Н.С. Турчанинова — были удостоены полных Демидовских премий. Вместе с тем на получение наград претендовали учёные, разрабатывавшие и другие разделы науки о растениях — анатомию, цитологию, физиологию растений (С.А. Рачинский, Н.Е. Цабель, Л.С. Ценковский). Для истории науки важен анализ оценочных суждений рецензентов не только с чисто научных позиций, определения значения той или иной работы, но и её приложимости к практике, к общественно значимым социально-экономическим задачам тогдашней России. В этом последнем случае привлекает внимание 8-е присуждение Демидовских наград в 1839 г., когда на конкурс было представлено сочинение С.М. Усова «Курс земледелия». Рецензентом выступил член Учёного комитета Министерства государственных имуществ Герман Шмальц. Работа получила положительную оценку, была удостоена второй премии и рекомендована Академией в качестве «хорошего пособия» к преподаванию земледелия.

В области флористики полной премии П.Н. Демидова в 1857 г. (26-е присуждение) был удостоен Н.С. Турчанинов. На конкурс был представлен его труд «Байкало-Амурская флора». Рецензентами выступили Н.И. Железнов и Ф.И. Рупрехт, которые дали блестящий отзыв, отмечая, что «немногим из ботаников, посвятившим себя такому изучению растительности отдельных, по положению и свойствам, стран в России, удалось собрать и обработать материалы, с таким постоянством и успехом, как это сделал Турчанинов». Он заслуживает «блистательной награды», — заключали рецензенты (Железнов, Рупрехт, 1858, с. 48).

Не менее высокую оценку на 28-м присуждении в 1859 г. получило сочинение К.И. Максимовича «Амурская флора». Академик Ф.И. Рупрехт дал обстоятельный

отзыв на эту работу, отметил заслуги автора в области обогащения знаний о флоре России, растительности Амурского края. Труд К.И. Максимовича он квалифицировал как первый «ботанический документ» об Амуре и сопредельных с ним областях. Максимович был награждён за эту работу полной Демидовской премией.

Нельзя пройти мимо других лауреатов престижной Демидовской премии. Половинной премии в 1855 г. был удостоен К.Е. Мерклин за работу, содержащую описание ископаемых древесин России. Разбор этого сочинения провели Н.И. Железнов, Ф.И. Рупрехт и В.Г. Абих. Рецензенты отметили тщательность микроскопических исследований Мерклина, основательное знание анатомии современных ему древесных растений, заслуги в заложении нового для России направления — палеоботаники.

Через конкурсные комиссии на соискание Демидовских премий прошли работы Л.С. Ценковского (26-е присуждение, 1857 г., исследование «О низших водорослях и инфузориях») и Н.Е. Цабеля (34-е присуждение, 1865 г., работа «Растительная гистология»). Если первая работа была награждена половинной Демидовской премией, то вторая, по отзыву Ф.И. Рупрехта, была поощрена лишь знаком одобрения. Из области физиологии растений на 29-м присуждении в 1860 г. номинировалась работа С.А. Рачинского, посвящённая движению высших растений. С.А. Рачинский был профессором кафедры физиологии растений в Московском университете и в 1864 г. издал первый перевод на русский язык книги Ч. Дарвина «Происхождение видов». Под влиянием идей Дарвина он обратился к изучению движения растений под влиянием света, обобщил литературу по этой проблеме, дифференцировал виды движений. Эта его работа, представленная на конкурс и отрецензированная Ф.И. Рупрехтом, была удостоена почётного отзыва. Такой же отклик на этом же 29-м присуждении получил капитальный труд Н.И. Анненкова «Ботанический словарь».

Ф.И. Рупрехт выступил рецензентом труда И.Г. Борщова «Материалы для ботанической географии Арало-Каспийского края» на 33-м присуждении Демидовских наград в 1864 г. Она была оценена как важное достижение ботанической науки, приносящее «честь, как автору, так и самой Академии». И.Г. Борщов был награждён половинной Демидовской премией.

Отчёты о присуждении Демидовских премий публиковались в периодической печати, многие присуждения состоялись благодаря оценочным суждениям Бэра. Б.Е. Райков сообщал, что он прорецензировал большое количество сочинений по зоологии, анатомии, географии и гидрографии, физиологии, археологии и истории культуры: «Бэр обладал всеми качествами, нужными для этой работы: широкой эрудицией, научной требовательностью и полнейшим беспристрастием» (Райков, 1961, с. 204).

Демидовские премии присуждались в Академии наук более тридцати лет, до 1865 г. Учреждение Бэровской премии, по сути своей, должно было продолжить традицию Академии поощрять учёных за лучшие работы в области естественных наук.

Правила и лауреаты наград имени академика Бэра

Процесс учреждения премии имени Бэра был хорошо организован и шёл в ускоренном темпе. Созданная в начале сентября 1864 г. комиссия уже 6 октября представила проект правил для обсуждения. На заседании Физико-математического отделения, в присутствии президента Академии Ф.П. Литке (1797–1882), вице-президента

В.Я. Буняковского и неперменного секретаря К.С. Веселовского, было принято решение разослать разработанный проект для ознакомления всем членам Физико-математического отделения³.

Спустя две недели, 20 октября 1864 г., на заседании Физико-математического отделения вновь обсуждался проект правил будущих Бэровских премий. Были учтены замечания академиков и принято решение: проект одобрить, войти с ходатайством в Министерство народного просвещения с просьбой на предмет «исходатайствования Высочайшего соизволения на учреждение» премии Бэра, принятия в ведение Академии наук собранного для неё капитала⁴.

В конце ноября 1864 г. было получено соизволение Александра II, а 4 декабря Правила «Премий тайного советника Бэра» были одобрены Конференцией ИАН и опубликованы для всеобщего сведения. Они включили в себя 29 параграфов, которые последовательно осветили требования к работам будущих претендентов.

Первые четыре параграфа раскрывали финансовую сторону проекта. Основу премии Бэра составлял капитал, собранный добровольными приношениями в связи с 50-летием докторского юбилея академика. Далее, по мысли учредителей премии, первоначальный капитал должен был прирастать процентами и последующими финансовыми поступлениями от спонсоров. Подчеркивалось, что проценты с капитала «употребляются исключительно на премии или же на увеличение капитала». Весь финансовый фонд премии состоял в ведении ИАН. В правилах была определена сумма наград и очередность конкурсов — каждые три года. В первое время премия Бэра составляла 1000 рублей. Далее шло нарастание премиального фонда. Планировалось следующее:

«Когда проценты в 3-летней сложности достигнут цифры 1400 рублей, тогда учреждается другая, второстепенная премия, в 300 рублей. Как скоро проценты за три года достигнут цифры 1600 рублей, второстепенная премия возрастет до 400 рублей; она увеличится до 500 рублей, когда проценты за три года достигнут суммы 1800 рублей»⁵.

Таким образом, на ряд лет была составлена программа действий для конкурсных комиссий. Академии наук представлялись широкие полномочия в распределении сумм для первых и второстепенных премий. По её усмотрению возможно было увеличить первую премию или второстепенную, или обе, когда проценты достигнут суммы 2000 рублей.

В «Правилах» отмечалось: «удостаиваются премии только сочинения, обогащающие науку»⁶. На первое место среди таких сочинений выдвигались эмбриологические сочинения, то есть тот раздел науки, который разрабатывал сам Бэр и где достиг выдающихся результатов. Далее приоритеты были расставлены следующим образом: на втором месте стояли сочинения, посвященные палеонтологии, а третье место отводилось работам в направлении систематической зоологии или ботаники. Что же касается трудов учёных флористического и фаунистического характера, то здесь к конкурсам допускались лишь работы, обнимающие «значительные пространства Российской Империи»⁷.

³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 110. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 89 об.

⁵ Записки Императорской Академии наук. 1865. Т. VI. Кн. II. С. 214.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ Там же.

В «Правилах» был определён круг будущих участников конкурсов. Из него выводились действительные члены Академии наук, а также члены конкурсных комиссий. Согласно правилам, «Премия Бэра могут получать как Российские подданные, так и иностранцы»⁸. Однако для последних вводились ограничения. Учёные других стран могли участвовать в конкурсах при условии «если они, по день присуждения премии, состояли не менее трех лет в русской службе, или если прожили до тех пор уже десять лет в Российской Империи»⁹.

Согласно правилам на конкурс могли быть представлены труды как на русском, так и на любом языке из принятых тогда в научной литературе — латинском, французском, немецком и английском.

Заострялось внимание также на времени издания трудов претендентов на Бэровскую премию:

«Из печатных сочинений принимаются на конкурс лишь те, которые вышли в свет в промежутке времени между двумя конкурсами. На первый конкурс принимаются сочинения, изданные в течение предшествовавших ему трех лет»¹⁰.

В правилах были оговорены сроки награждения и регламентирован порядок церемонии:

«Присуждение премии Бэра происходит 17 февраля старого стиля, в день рождения тайного советника К.М. Бэра. В этот день, в публичном заседании Академии, один из членов Комиссии читает подробный отчет Комиссии, в котором излагает научное достоинство увенчанных премиею сочинений. В это заседание приглашаются все любители просвещения, в особенности же естествоиспытатели и врачи. Отчёт Комиссии публикуется в изданиях Академии»¹¹.

Составители «Правил» не обошли вопрос гласности:

«Академия, не позже как за два месяца до закрытия конкурса, объявляет посредством газет о предстоящем соискании, причем доводит до всеобщего сведения главные постановления сего Положения и приглашает ученых Империи к доставлению сочинений»¹².

«Правила» были пронизаны духом демократизма и заботой о развитии науки. Комиссия, присуждающая премии, была наделена широкими полномочиями. Её члены имели право принимать к рассмотрению печатные труды учёных по своему усмотрению, минуя заявления самих авторов об участии в конкурсе.

«Правила» определяли срок подачи сочинений на конкурс: «Сочинения, назначаемые на конкурс, должны быть доставлены в Академию наук не позже 1-го ноября предшествующего присуждению премий года»¹³. Первое присуждение было обозначено датой 17 февраля 1867 г., то есть спустя три года после одобрения «Правил» на общем собрании ИАН 4 декабря 1864 г.

⁸ Записки Императорской академии наук. 1865. Т. VI. Кн. II. С. 214.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 217.

¹³ Записки Императорской Академии наук. 1865. Т. VI. Кн. II. С. 216.

Премии присуждались биологическим разрядом Физико-математического отделения Академии. Её почетный член К.М. Бэр являлся пожизненным председателем конкурсной комиссии. В «Правилах» были прописаны линии поведения членов комиссии в различных обстоятельствах организационной деятельности конкурсных комиссий. Особо оговаривались ситуации с количественным составом конкурсных комиссий, назначением и положением рецензентов:

«Если биологический разряд состоит менее чем из 5 членов, то Физико-математическое отделение Академии наук дополняет до означенной цифры число членов посредством выбора из академиков или посторонних ученых.

Означенная Комиссия, состоящая, по крайней мере, из 5 членов и пользующаяся правом окончательного приговора, может, если признает полезным, поручить рассмотрение конкурсного сочинения и учёному, не принадлежащему к Комиссии. В таком случае, рецензент, избранный большинством голосов в Комиссии, делается чрез то самое её членом, с правом голоса, и должен быть приглашаем во все заседания оной»¹⁴.

Подчёркивалось, что для принятия постановления Конкурсной комиссии требуется абсолютное большинство голосов. При равенстве голосов, решение принимал председатель Комиссии.

Изменения в принятые положения о Бэровских премиях допускались лишь с течением времени в случае невозможности исполнения ранее принятых постановлений. Право на изменения представлялось лишь «одной Императорской Академии наук»¹⁵.

Первый конкурс в 1867 г. заявил о себе как триумф отечественной науки, это подтверждалось количеством и разнообразием присланных в адрес конкурсной комиссии работ по зоологии (например, исследования К.Ф. Кесслера о рыбах севера), ботанике (работы А.А. Бунге, Н.Н. Кауфмана, Э.Л. Регеля), физиологии. Хотя для рассмотрения были избраны только два претендента — А.О. Ковалевский и И.И. Мечников, но комиссия обратила внимание и на другие работы, прежде всего на учебник физиологии И.М. Сеченова. В отчёте о первом присуждении сказано:

«Физиология нервной системы г. Сеченова составляет одно из редких явлений между трудами этого рода. Каждый отдел её обнаруживает полное знакомство автора с современной европейской литературой по разбираемому предмету и верный взгляд даже на процессы самые сложные» (Первое присуждение... 1867, с. 148).

В отчёте конкурсной комиссии¹⁶ говорилось:

«Весьма приятно и лестно для патриотического чувства, что уже на первый конкурс явилось в последнее трехлетие так много разнообразных и вполне достойных уважения работ не только по тому отделу, которому положением о конкурсе дано преимущество, но и по всем другим» (там же, с. 147).

¹⁴ Записки Императорской академии наук. 1865. Т. VI. Кн. II. С. 217.

¹⁵ Там же. С. 218.

¹⁶ В состав комиссии входили академики: ботаник Ф.И. Рупрехт, зоологи Ф.Ф. Брандт и Л.И. Шренк, физиолог Ф.В. Овсянников, а также зоолог А.А. Штраух (в то время адъюнкт ИАН). Председательствовал К.М. Бэр.

Речь шла об эмбриологии. Присуждая первые награды работам именно из этой области биологического знания — науки о закономерностях зарождения организмов, члены конкурсной комиссии 1867 г. особо учитывали общебиологическую, эволюционную направленность исследований претендентов. Наградными были удостоены последователи Бэра, развивавшие эволюционную сравнительную эмбриологию беспозвоночных, — И.И. Мечников (1845–1916) и А.О. Ковалевский (1840–1901).

И.И. Мечников представил на соискание премии три работы: «Исследования по истории развития насекомых», «История развития аннелид», «Изучение эмбриологии насекомых». Мечникову было тогда двадцать два года. Бэр поддерживал своего младшего коллегу и сам предложил ему участие в конкурсе. «Мы надеемся, — писал он в письме Мечникову, — что Вы подадите сочинение на конкурс на премию моего имени по естественной истории — работу о развитии двукрылых...» (цит. по: Фролов, 1980, с. 72). Свои первые научные работы Мечников начал под влиянием эмбриологических трудов Бэра. Присуждение премии вместе с получением степени магистра в Петербургском университете открыло ему путь в Новороссийский университет, дало стимул для дальнейших исследований, в частности изучения фауны Чёрного моря.

Второй лауреат премии Бэра — А.О. Ковалевский — представил на конкурс сочинения с результатами исследований по истории развития низших морских животных и в том числе асцидий. Он разрешил спорный вопрос о положении ланцетника в системе животных, привёл данные о его родстве с асцидиями. Он предложил науке материалы, которые указывали на единство плана развития позвоночных и беспозвоночных.

Конкурсная комиссия признала труды Мечникова и Ковалевского достойными Бэровской премии. Премия была разделена поровну между обоими авторами.

Примечателен факт обращения членов первой конкурсной комиссии к учению Дарвина, их стремления в теоретической части отчёта о конкурсе соединить работы номинантов Мечникова и Ковалевского с доказательством идеи единства живой природы. Приводим суждения академиков о теории Дарвина, их взгляд на её слабые стороны. Это существенно в связи с малой освещённостью проблемы «Чарлз Дарвин и Императорская Академия наук». В отчёте читаем:

«Распространилась и приобрела себе приверженцев гипотеза Дарвина, что различные живые формы произошли друг из друга через преобразование в течение долгого времени и что при каждом размножении появлялись только небольшие изменения, которые с течением времени и накапливались. Как ни остроумно Дарвин старался доказать такое накопление особенностей, однако бросается в глаза, что им *не решен* [курсив наш. — К.М.], а оставлен в стороне главный вопрос: как из безжизненного могло образоваться живое? Просвещённые естествоиспытатели нелегко принимают также, что столь различные формы позвоночных могли образоваться из одной живой формы» (Первое присуждение... 1867, с. 173–174).

Тем выше оценивались комиссией Бэровского конкурса труды А.О. Ковалевского, которые по её заключению «показали единство в первом развитии животных неблизких между собой» (Первое присуждение... 1867, с. 192). Этот материал дополняет историю вопроса об отношении Академии наук к учению Дарвина и празднованию его юбилейных дат (см.: Колчинский, 2009; Манойленко, 2009; Самокиш, 2009).

Вторично натуралисты «первенствующего» научного учреждения России обратились к учению Ч. Дарвина в конце октября того же 1867 г. Тогда Ф.И. Рупрехт, Ф.Ф. Брандт, Л.И. Шренк, Ф.В. Овсянников, А.А. Штраух выступили с предложением

избрать Ч. Дарвина членом-корреспондентом Академии наук. В обосновании своей инициативы академики говорили о необходимости установления научных контактов с Дарвином, но вновь указали на слабые места его теории, проявили сдержанность в своей общей оценке:

«Тем не менее даже несогласные с ним натуралисты, — отмечалось в представлении, — должны признать, что его идеи о весьма медленном и естественном возникновении растений и животных путем преобразования несомненно свидетельствуют о глубине мысли, большом остроумии и способности к удачным комбинациям» (Дарвин — член-корреспондент... 1939, с. 121).

Признавая «выдающееся место» Дарвина среди его современников, ИАН избрала его в 1867 г. в члены-корреспонденты, о чём и уведомила учёного. Ч. Дарвин письмом из Лондона от 4 марта 1868 г. благодарил Академию за избрание (Манойленко, 1999).

Значение первого конкурса не ограничивается приведёнными фактами, поощрением Мечникова и Ковалевского, оно гораздо шире. Первый конкурс по количеству и разнообразию присланных к участию в нём трудов свидетельствовал о прогрессивном устремлении отечественных биологов, позволил увидеть перспективы дальнейшего развития их области знания. В отчёте подчеркивалось:

«Капитальные труды по естественным наукам в России, в особенности за последние годы, представляют явление в высшей степени отрадное; оно указывает ясно, что естественные науки нашли в нашем отечестве почву, подготовленную и плодотворную, и что в них ощущается живая потребность» (Первое присуждение... 1867, с. 192).

1867 г. стал заметным в истории Бэровских премий и тем обстоятельством, что в этот год К.М. Бэр, в 75-летнем возрасте, покинул Петербург и поселился в Дерпте, в городе, где прошли его студенческие годы. Однако он не переставал принимать участие в решениях конкурсных комиссий.

Второе присуждение состоялось в 1870 г. В равной степени достойными премии оказались А. Бётхер, А.О. Ковалевский и И.И. Мечников. Два последних учёных были награждены премией Бэра во второй раз.

Дерптский анатом Бётхер провёл сравнительное исследование слухового органа у собак, кошек, овец на разных этапах их онтогенеза. Рецензентом этих исследований выступил профессор университета в Вюрцбурге А. Кёлликер. Выдающийся гистолог и эмбриолог высоко оценил труды Бётхера, нашел их превосходными, открывающими пути для будущих учёных.

Рецензентом А.О. Ковалевского был немецкий зоолог К.Г.Ф.Р. Лейкарт (1822—1898). Он поддерживал контакты с Академией наук в Петербурге: в 1861 г. был избран её членом-корреспондентом, а в 1895 — почётным членом (Академия наук... 1974, с. 361). Лейкарт проанализировал эмбриологические работы номинанта, подчеркнул значение сделанного им открытия, сущность которого заключалась в установлении факта, свидетельствовавшего, что тело червей и членистоногих состоит из трёх листов, как и тело цыпленка.

Мечников представил на конкурс одиннадцать работ. Среди них «История эмбрионального развития *Seriola*», «История развития *Nebalia*» и др. Рецензентом выступил Ф.В. Овсянников. Он сказал, что труды Мечникова обогатили науку и расширили

знания в области эмбриологии низших животных, они вполне заслуживают полной Бэрвской премии.

Конкурсная комиссия в составе Брандта, Максимовича, Овсянникова, Рупрехта, Шренка, Штрауха, изучив отзывы рецензентов, была поставлена в тупик, не могла принять окончательное решение, выбрать лауреата. Создавшуюся сложную ситуацию должен был прояснить Бэр. Материалы дела были направлены к нему в Дерпт. В своём заключении Бэр выразил удовлетворение общенациональным характером премии его имени, её значением среди натуралистов. Бэр радовался тому, что конкурс столь богат номинантами. Он сообщил:

«Особенно радостным явлением представляется для меня то, что большинство конкурентов природные русские, но вместе с тем изложили свои работы на языке, более распространенном в ученом мире. Только этим путем вступают они в общение с тою средою, мнение которой по признанной за нею в научном мире компетентности, принимается во внимание во всех научных вопросах» (Отчёт о втором... 1870, с. 113).

Продолжая далее, Бэр отмечал:

«Просматривая новейшие исследования по эмбриологии, я с истинным удовольствием встречал имена Ковалевского, Мечникова, Ганина. Мне приятно было видеть, что их упоминают повсюду с большим уважением» (там же).

Бэр считал справедливым и рациональным разделить назначенную конкурсом сумму поровну между Бётхером, Ковалевским и Мечниковым. В итоге конкурсная комиссия постановила разделить сумму премии на равные части между тремя учёными.

Процесс прохождения второго конкурса интересен ещё отношениями между собой претендентов — Ковалевского и Мечникова, их перепиской по этому поводу, темой совестливости. Ковалевский, человек достаточно шепетильный, предупреждал Мечникова о своём желании принять участие во втором конкурсе, в 1870 г. Он извинялся в письме к Мечникову за свою конкуренцию: «Я хочу явиться опять Вашим конкурентом на Бэрвскую премию и намерен представить работы об олигохетах, пиявках и насекомых...» и далее: «Если бы Вы отнеслись к конкурсу так же дружественно, как и в предыдущий раз, и не захотели зажать меня, то я бы все же имел надежду» (Догель, 1945, с. 54).

Оба претендента, вступая в конкурентную борьбу, исходили не только из научных интересов, из желания подтвердить свой научный статус, но и из чисто житейских, финансовых соображений. Мечников писал Ковалевскому:

«На премию я сильно рассчитываю, т. е. на частицу её, так как по случаю болезни жены и необходимости жить ей за границей, а мне часто ездить, расходы наши приняли сильнейшие размеры, и в случае неудачи может прийти плохо» (Догель, 1945, с. 55).

А.О. Ковалевский, надеясь на денежную премиальную награду, планировал использовать её на поездку с научной целью на Средиземное море.

В 1873 г. состоялось **третье присуждение** премии Бэра. К этому моменту изменился состав конкурсной комиссии. В 1870 г. скончался известный ботаник Ф.И. Рупрехт (1814–1870), многие годы изучавший флору России (см. о нём: Федотова, 2008). Его место в комиссии по присуждению Бэрвских премий занял Н.И. Железнов, академик

с 1857 г., один из основателей и первый директор Петровской земледельческой и лесной академии. Комиссия состояла из академиков Ф.Ф. Брандта, Ф.В. Овсянникова, Л.И. Шренка, К.И. Максимовича, Н.И. Железнова и А.А. Штрауха.

На конкурс были представлены сочинения Н.Н. Миклухо-Маклая, И.И. Мечникова и ботаника Дерптского университета Э. Руссова¹⁷. В процессе обсуждения возникла конфликтная ситуация. Конкурсная комиссия признала, что работа Миклухо-Маклая по своему достоинству не может сравниться с достоинствами двух других авторов. Учитывалось мнение А.О. Ковалевского, тогда профессора университета в Киеве, о работе И.И. Мечникова. Было признано, что оба труда — Мечникова и Руссова, достойны полной премии. Однако, как отмечалось в «Отчёте о Третьем присуждении премии Тайного советника Бэра», деление премии, согласно правилам, допускается «только при единогласии всех членов комиссии, в настоящем случае оно достигнуто не было» (Отчёт о третьем... 1873).

Два члена комиссии — Ф.В. Овсянников и Н.И. Железнов — высказались против деления премии. После длительного обсуждения и дополнительного рецензирования работы Э. Руссова, было принято решение его труд увенчать полной премией, а труд второго претендента И.И. Мечникова, присланный в рукописном виде, отложить до следующего конкурса.

Э. Руссов представил на конкурс в Петербург свою работу 1872 г., где привёл данные по строению и развитию вегетативных и спорообразующих органов у архегониальных растений в сравнении с некоторыми представителями покрытосеменных. Руссов широко использовал сравнительно-морфологический метод. В основе же его исследований лежал исторический метод, что, несомненно, было навеяно учением Дарвина, которое с начала 1870-х гг. всё увереннее проникало в ботанику и зоологию. Эта работа, по отзыву немецкого ботаника А. Брауна, знатока растительных объектов, с которыми работал Руссов, была признана конкурсной комиссией достойной поощрения — присуждения награды имени Бэра.

Но это обстоятельство вызвало протест со стороны известного ботаника А.Н. Бекетова¹⁸. Развернулась полемика, не столько против исследований Руссова, сколько против работы конкурсной комиссии. Разногласия вышли за пределы научного сообщества, Академии наук, нашли отражение в прессе¹⁹.

А.Н. Бекетов в своей протестной статье по вопросу присуждения премии Э. Руссову критически затронул более общую проблему — работу Академии наук в направлении ботаники. Бекетов считал, что труд Руссова мог быть удостоен награды только в случае отсутствия в России других более ценных ботанических сочинений. В России же, по его мнению, такие были. Однако они даже не были представлены на конкурс. Более всего упреков досталось К.И. Максимовичу, который руководил всем ходом конкурсного дела. По его инициативе работа Э. Руссова в официальном порядке, от имени ИАН, была послана на рецензирование в Берлин А. Брауну. Бекетов считал, что эту работу с успехом могли прорецензировать и российские ботаники, среди которых были специалисты по вопросам, поднятым в труде Э. Руссова. Таким образом, Максимович,

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 121. Л. 43об., 44.

¹⁸ А.Н. Бекетов (1825–1902) — профессор Санкт-Петербургского университета (1863–1897), автор ряда работ в области экспериментальной морфологии и географии растений. С 1895 г. — почётный член ИАН.

¹⁹ Голос. 1873. № 52. С. 2.

по словам Бекетова, своим поступком выразил недоверие отечественным ботаникам, неуважение к их деятельности. Работа Руссова и вопрос о его награждении разбирался в Санкт-Петербургском обществе естествоиспытателей. Железнов, как представитель ИАН на этом заседании, высказал свою точку зрения на рецензирование работы Руссова. Статьи Бекетова вызвали ответные выступления в печати А.М. Бутлерова, Н.И. Железнова, К.И. Максимовича (Железнов, 1873).

Члены конкурсной комиссии Третьего присуждения премии Бэра, учитывая эти обстоятельства, в своем отчёте 1873 г. отметили успехи отечественной ботаники и указали на те её направления, которые стали приоритетными в России. Иными словами, оценка труда Э. Руссова, доказательства справедливости его награждения были даны членами комиссии на фоне успехов развития отечественной ботаники, перечисления имён наиболее заметных её деятелей. Среди них названы имена А.Ф. Баталина, О.В. Баранецкого, М.С. Воронина, С.И. Розанова, Н.В. Сорокина, К.А. Тимирязева, А.С. Фаминцына, Л.С. Ценковского, И.Д. Чистякова и др. Это был акт уважения к труду ботаников, доведения до общественности признания их ценности. В заключении отчёта имеется следующая запись:

«Со всю справедливостью можем сказать, что почти нет отрасли ботанической науки, которая в последнее время не обогатилась бы в России замечательными трудами» (Отчёт о третьем... 1873, с. 182).

Можно думать, что конфликтные обстоятельства, связанные с третьим присуждением премии Бэра, ставшие достоянием гласности, предметом дискуссии на страницах газет, побудили организаторов премии внести **изменения в первоначальную модель правил**. Во всяком случае, уже в августе 1873 г. на заседании Физико-математического отделения ИАН было сообщено о замечаниях К.М. Бэра, присланных им из Дерпта в Петербург. Было принято решение передать их для обсуждения в Комиссию, состоящую из академиков Биологического разряда Физико-математического отделения. На заседании 11 сентября 1873 г. академики слушали письмо Бэра²⁰. Далее последовали новые обсуждения. Были учтены его замечания и пожелания. По девятилетнему опыту действия конкурсов на соискание премий Бэра стало ясно, что в ряде случаев старые параграфы правил не отвечают требованиям времени. Они устарели и «во многих отношениях оказываются неудобными».

Был составлен новый проект правил, который и был в январе 1874 г. утверждён на Общем собрании Академии наук²¹. Непременный секретарь К.С. Веселовский доложил, что правила о наградах тайного советника Бэра напечатаны новым изданием, с внесёнными в них изменениями. На Общем собрании присутствовал президент ИАН Ф.П. Литке, члены Физико-математического отделения Ф.Ф. Брандт, Г.П. Гельмерсен, П.Л. Чебышев, О.В. Струве, О.И. Сомов, Ф.В. Овсянников, Л.И. Шренк, Н.Н. Зинин, Н.И. Кокшаров, А.Н. Савич, Г.И. Вильд, К.И. Максимович, Д.М. Перовошиков, Н.И. Железнов, А.А. Штраух, А.М. Бутлеров, Ф.Б. Шмидт.

Из новых правил обращает на себя внимание параграф об учреждении почётной медали Бэра из процентов с капитала премии:

²⁰ Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук. 1873, § 259.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 122. § 3. Л. 4–4об.

«Почётная медаль, золотая, ценностью в 200 руб., назначается в виде высшей награды таким учёным, которые целым рядом многолетних трудов подвинули ту или другую область биологии» (О новых правилах... 1875).

Таким образом, награды Бэра, раздаваемые через каждые три года, согласно новым правилам, состояли из почётной медали и денежных премий. Отдельные уточнения касались принципа определения размеров первой и второстепенной премий.

Был изменён день присуждения премии, что нашло отражение в особом параграфе. По первоначальным правилам это происходило 17 февраля. Теперь устанавливалась дата — 29 декабря, оглашение лауреата должно было проходить в публичном заседании Академии наук. Был прописан и протокол объявления лауреата:

«Непременный секретарь объявляет имена учёных, которым назначены Бэровские награды, а один из членов Бэровской комиссии читает отчет её как о заслугах ученого, удостоенного почётной медали, так и о научном значении и достоинствах сочинений, которым присуждены денежные премии. Этот отчёт вслед затем печатается в изданиях Академии» (О новых правилах... 1875, с. 62).

В 1876 г. проходило **четвёртое присуждение**. В этом году 16 ноября скончался К.М. Бэр, а 29 декабря состоялось празднование 150-летнего юбилея ИАН. В речи неперменного секретаря К.С. Веселовского, произнесённой на торжественном заседании, был отмечен факт успешного действия Бэровских премий, особо отнесено событие учреждения медали имени Бэра:

«Академия в настоящем году, — говорил Веселовский, — имела удовольствие присудить в первый раз медаль, назначенную служить высшею наградою для таких ученых, которые целым рядом многолетних трудов существенно подвинули вперед ту или другую из биологических наук. Эта медаль носит имя Бэра, недавнюю кончину которого оплакивает, вместе с нашей Академией, и вся европейская наука. Если и на ученом поприще, так же как и на прочих, может быть живоительно благородное соревнование, то какой лучший пример могут иметь для себя будущие соискатели этой медали, как не пример самого Бэра, который посвятил свой необычный талант, свою любовь к труду и всю долгую жизнь свою исследованиям природы *orsus ab ovo* и оставил по себе ряд образцовых творений, навсегда упрочивших за ним место в ряду первостепенных ученых. Учрежденная в его честь медаль будет на вечные времена служить как бы загробным его приветом тем деятелям, которые, мы надеемся, будут следовать по стопам Бэра и высоко поднимут знамя русской науки» (Торжественное собрание... 1877, с. 4).

Первая медаль Бэра была присуждена А.А. Бунге (1803—1890), почётному члену ИАН с 1875 г., который в течение 50 лет изучал флору России. Особо ценился его труд по флоре Алтая. К.И. Максимович называл Бунге «Нестором русских ботаников». В отчёте о присуждении медали говорилось:

«Подобно тому, как А.А. Бунге трудами по флоре России приобрёл славу одного из первых знатоков этой флоры, он длинным рядом изданных им монографических сочинений занял почётное место на ряду с первыми ботаниками-систематиками нашего времени» (Присуждение Бэровской... 1877, с. 30).

Помимо медали на присуждение Бэровских наград в 1876 г. номинировалась работа профессора А. Гетте, посвящённая эмбриологии земноводных. Конкурсная комиссия

в составе академиков Ф.Ф. Брандта, Ф.В. Овсянникова, Л.И. Шренка, К.И. Максимовича, А.А. Штрауха и Н.И. Железнова признала автора этой работы, имеющей общепризнанное биологическое значение, достойной премии Бэра в её денежном выражении.

В последней четверти XIX в. процесс присуждения наград академика К.М. Бэра продолжался, сохраняя традиции, заложенные его основоположниками.

Заслуживают рассмотрения итоги **пятого присуждения премии**, которые были подведены уже без Бэра. В 1879 г. Комиссия работала в обновленном составе. Ушёл из жизни Н.И. Железнов. В комиссию был включён ботаник-физиолог А.С. Фаминцын²². Комиссия в составе Ф.В. Овсянникова, Л.И. Шренка, К.И. Максимовича, А.А. Штрауха, Ф.Б. Шмидта, А.С. Фаминцына в заседаниях 4 и 18 декабря 1879 г. признала необходимым присудить почётную золотую медаль физиологу медицинского факультета Дерптского университета Ф.Э. Биддеру. В отношении его деятельности в отчёте о присуждении записаны такие лестные слова:

«Его имя произносится с одинаковым уважением как в России, так и в остальной Европе. Труды его по физиологии, гистологии и патологии снискали ему прочную известность точного наблюдателя, великого мыслителя» (Присуждение наград... 1880, с. 281).

Лауреатом Бэровской премии в её денежной форме стал ботаник, протистолог и бактериолог Л.С. Ценковский (1822–1887). Б.Е. Райков (1959, с. 608) отмечал: «Подобно тому, как Мечников и А.Ковалевский, опираясь на дарвинизм, создали эволюционную эмбриологию, так и Ценковский способствовал своими трудами созданию эволюционной микробиологии». Подчёркнем, что эти трое учёных были награждены Бэровской премией. Данный факт, значимый сам по себе, говорит о прогрессивных устремлениях членов конкурсных комиссий, их приверженности «Правилам премии тайного советника К.М. Бэра» — поддерживать и поощрять новейшие направления биологической науки.

Л.С. Ценковский в те годы был профессором Харьковского университета и свои труды на пятый Бэровский конкурс сам не представлял. Комиссия, руководствуясь одним из правил премий, имея не только «право, но и обязанность включать в конкурс и такие печатные сочинения, которые самими авторами не были представлены на оный», рассмотрела труды Л.С. Ценковского о жизни простейших организмов (Присуждение наград... 1880, с. 292). В «ознаменование» их высокого научного значения комиссия присудила учёному денежную премию К.М. Бэра.

На Бэровскую премию выдвигались труды учёных, деятельность которых протекала не только в столице, Петербурге, но и в учебных заведениях других регионов России. Среди претендентов и лауреатов были профессора Дерптского, Киевского, Новороссийского, Томского, Харьковского университетов и даже Высшей школы в Софии (Болгария). Всё это свидетельствовало о взаимодействиях биологов Академии наук с научной общественностью России и Европы, констатировало стремление членов конкурсных комиссий Бэровской премии распространить научное знание, выявить среди его создателей наиболее заслуженных, деятельных учёных, основателей новых научных направлений и идей.

²² А.С. Фаминцын (1835–1918) — крупный физиолог растений. С 1878 г. — адъюнкт ИАН, с 1891 — ординарный академик. Основатель первой в России Лаборатории по анатомии и физиологии растений при ИАН.

В работе конкурсных Бэрловских комиссий на всем протяжении их действия наблюдалось исполнение правила рассматривать труды как теоретического характера, так и практического свойства. Показательны итоги **шестого конкурса** (1882). На этом конкурсе денежная премия Бэра была присуждена основоположнику отечественной микологии и фитопатологии М.С. Воронину (1838–1903). Учитывалось большое практическое значение работ учёного, и, прежде всего, описание им возбудителя капустной килы (*Plasmidiophora brassicae*) и цикла его развития. Члены комиссии высоко оценили предложенные Ворониным меры борьбы с этой болезнью капусты. В отчёте отмечалось, что Воронин проложил «новую стезю в науке», раскрыл причину болезни,

«проследил полный цикл развития совершенно нового организма, оказавшегося особенно интересным по необыкновенной простоте строения и принадлежности к группе слизистых грибов, которые стоят на рубеже между царствами растительным и животным» (Донесение комиссии... 1883, с. 34).

Комиссия в своей оценке труда Воронина сделала акцент на их эволюционном значении в плане выявления родства между разными формами живого.

На этом же заседании был заслушан отчёт Ф.В. Овсянникова о трудах профессора Военно-медицинской академии В.Л. Грубера. Учитывая, что его труды обогатили анатомию, комиссия присудила Груберу почётную золотую медаль К.М. Бэра.

Соискание наград имени К.М. Бэра предоставило Академии наук в 1885 г. случай выразить дань уважения и признания «маститому натуралисту», изучавшему флору России, Р.Э. Траутфеттеру (1809–1889). Ему была присуждена Бэрловская медаль.

Среди награждённых почётной золотой медалью К.М. Бэра присутствует имя его давнего друга и коллеги А.Ф. Миддендорфа. В представлении к награде отмечены заслуги учёного в области зоологии. Высочайшей оценки, по мнению членов комиссии, заслуживал его труд «Путешествие на север и восток Сибири» (1860). Анализ этого труда, предложенный конкурсной комиссией в 1888 г., **на восьмом присуждении** наград Бэра, представляет собой документ, в котором подчеркнуты наиболее существенные общебиологические стороны исследований Миддендорфа в Сибири, выявления особенностей фауны, её связи с географическими условиями Сибири, климатом, растительностью. Отмечено практическое значение исследований Миддендорфа, способствовавших впоследствии учреждению сети орнитологических станций (Отчёт о присуждении... 1889).

Накопление новых данных в биологии, её различных разделах, основанных на использовании более совершенных методов исследования, неизменно находило отклик, отражение в конкурсах на соискание наград Бэра. С течением времени в конкурсные комиссии на смену старым членам приходили новые члены Физико-математического отделения. На 10-м и 11-м присуждениях активными членами были А.О. Ковалевский, С.И. Коржинский, Ф.Д. Плеске, Ф.Д. Шмидт. Позднее в состав комиссий были включены И.П. Бородин, В.В. Заленский. Всё это были деятельные, объективные учёные, строго соблюдавшие принципиальные подходы к оценке работ претендентов на Бэрловские награды, люди высочайшего научного долга.

В 1891 г. состоялось **девятое присуждение** наград Бэра. Претендентами явились И.И. Мечников, работавший в 1888–1916 гг. в Институте Пастера в Париже, и В.В. Заленский. Рецензентом в обоих случаях выступил А.О. Ковалевский. И.И. Мечников в третий раз стал лауреатом Бэрловской премии. Он получил награду за эмбриологические и бактериологические исследования.

А.О. Ковалевский дал высокую оценку исследованиям В.В. Заленского, в задачу которых входило выяснение общеэмбриологических вопросов, касающихся развития моллюсков и кольчатых червей. Он был удостоен второй премии.

В феврале 1892 г. исполнилось сто лет со дня рождения К.М. Бэра. Учитывая это, академики А.О. Ковалевский, Ф.В. Овсяников, Ф.Д. Плеске, А.С. Фаминцын, Ф.Б. Шмидт, Л.И. Шренк, А.А. Штраух выступили с инициативой учреждения **второй почетной медали** имени выдающегося учёного. Обозначалась и цель создания такой медали, вполне согласная с воззрениями, трудами и устремлениями Бэра. Академики полагали, что награждаться второй медалью будут лица, принёсшие в дар Академии наук, её музеям и библиотеке, коллекции, собрания книг. В обоснование этого положения приводились примеры пожертвований, в частности, богатых антропологических коллекций Н.Н. Миклухо-Маклаем, а также драгоценного собрания книг и рукописей в пользу Азиатского музея, доставленного Л.П. Фридландом.

Инициаторы проекта обсудили внешний вид почётной золотой медали, надпись на её оборотной стороне. По поводу финансовой стороны вопроса они сочли, что денежные затраты на юбилейную медаль обеспечат проценты с Бэровского капитала, которые начислялись ежегодно. Их предложения и обоснования были опубликованы в приложении к Протоколу заседания Общего собрания Академии наук 7 марта 1892 г.

После утверждения в Академии учреждение медали получило Высочайшее соизволение. Первое награждение состоялось в 1893 г. вне рамок очередных Бэровских конкурсов. Почётной юбилейной медалью им. Академика К.М. Бэра был удостоен Н.А. Гребницкий за передачу в дар Зоологическому музею черепов и скелетов, среди них Стеллеровой коровы, и ценнейшей коллекции птиц, представляющей орнитологическую фауну Командорских островов (Академия наук... 2007, с. 17).

Что же касается основных премий, то в последующие два конкурсных года XIX в. ими были увенчаны: в 1894 г. труды по гистологии профессора Томского университета А.С. Догеля (полная премия) и профессора Харьковского университета В.Я. Данилевского (малая премия). В.Я. Данилевский доставил медицине важные экспериментальные данные по вопросам патологии крови.

Одиннадцатое присуждение наград Бэра состоялось в 1897 г. Рассматривались работы трёх претендентов. А.А. Коротнев представил труды из области эмбриологии беспозвоночных (они касались сальп), Б.Ф. Вериго — исследования иммунитета («Роль белых кровяных шариков как защитников крови»), Р.Л. Вейнберг — антропологические материалы об эстонцах и латышах. В отчёте о присуждении премии Бэра в отношении работ Вейнберга отмечено, что его работы:

«касаются той области антропологического изучения, которая особенно интересовала этого знаменитого натуралиста в последние десятилетия его жизни (сравнительное изучение рас, особенно живущих в пределах России), и что они произведены в Юрьеве, в городе и университете, которые особенно близки покойному академику Бэру» (Отчёт о присуждении... 1898).

Все трое стали лауреатами наград Бэра в денежном выражении (по 500 рублей каждый). В XX в. состоялось семь конкурсов — 1900, 1903, 1906, 1909, 1912, 1915, 1919 гг. Как видно, строго выдерживалась периодичность их объявления и проведения. Лишь последний, восемнадцатый, в связи с событиями Первой мировой войны и революциями 1917 г. задержался. В числе награждённых премией Бэра в этот период были В.М. Бехтерев, В.Л. Комаров, И.П. Павлов.

Работы В.М. Бехтерева на **двенадцатом присуждении** в 1900 г. представлял Ф.В. Овсянников. Он заключал:

«Мы могли бы значительно увеличить перечень новых наблюдений и открытий, сделанных Бехтеревым в учении о строении и физиологии центральной нервной системы, так как нет ни одного крупного отдела в этой области, в которой автор не внёс бы дополнений или совершенно новых фактов». И далее: «Бехтерев — знаток физиологии нервных центров».

Мнение Овсянникова было поддержано и другими учёными:

«Это лучшее произведение последнего времени, — отмечали члены комиссии. — Взвешивая значение труда Бехтерева, как для физиологии, так и для психиатрии, нельзя не признать, что автор обогатил науку о центральной нервной системе ценным вкладом. Он уловил связь отдельных центров, связал отдельные группы в одно целое, осветил клинические наблюдения» (Отчёт о присуждении... 1901, с. 229).

На том же 12-м конкурсе премия была присуждена И.П. Павлову за его классические исследования о работе пищеварительных желез, подвинувших учение о деятельности пищеварительных органов, связавших физиологию с практической медициной. Оценку трудов Павлова также дал Овсянников. Он подчеркнул оригинальность исследовательских методик номинанта, их логическую последовательность, новизну установленных фактов в плане связи пищеварения с нервной системой.

Академия наук, признавая, что труды В.М. Бехтерева и И.П. Павлова одинаково заслуживают полную премию академика Бэра, соединила обе премии полную в 1000 рублей и половинную в 500 рублей и разделила общую сумму в 1500 рублей между обоими лауреатами. Каждый получил премию К.М. Бэра в её денежном выражении по 750 рублей (Отчёт о присуждении... 1901, с. 234).

Материалы о Бэровских премиях среди ботаников, интересные для истории науки, ещё не затронуты анализом. Среди награждённых в разные годы денежной премией и почётной золотой медалью в честь К. Бэра встречаем имена Ф.Н. Алексеенко, А.А. Бунге, В.Л. Комарова, П.Н. Крылова, С.Г. Навашина, Ф.И. Рупрехта, Эдмунда Руссова, его сына Эрнста Руссова, Р.Э. Траутфеттера.

Поощрение учёных за достижения в познании мира растений продолжила традицию, заложенную практикой присуждения Демидовских наград. Важнейшими аргументами при обсуждении работ ботаников, выдвигаемых на премию Бэра, выступали оценки их вклада в изучение флоры России, описание новых видов растений (пример с А.А. Бунге), открытий в морфологии, объясняющих сложные вопросы филогенеза.

Акту присуждения наград академика К.М. Бэра предшествовала организационная работа конкурсных комиссий, включавшая в себя подбор рецензентов. Представления об этом можно получить из переписки Ф.В. Овсянникова с А.С. Фаминцыным, относящейся к 1903 г. — **тринадцатому присуждению**. Речь, в частности, шла о работах П.И. Бахметьева, посвящённых проблемам анабиоза, температуре насекомых. Овсянников просил Фаминцына оценить эти работы, ссылаясь на его компетентность, наличие результатов собственных исследований: «Так как Вы сами работаете над изменением тканей при низкой температуре, то Ваше суждение в этом вопросе имеет большое значение»²³.

²³ СПФ АРАН. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.

Между Овсянниковым и Фаминцыным возникла дискуссия по поводу привлечения учёных к рецензированию работ, поступивших на конкурс. Возникали разногласия — так, например, Фаминцын не поддержал предложения Овсянникова пригласить к обсуждению работ по анатомии, физиологии и гистологии профессоров А.А. Кулябко и Ф.Е. Тура.

«Я полагаю, — писал Фаминцын, — что если бы авторы узнали, что судьями их работ назначены Академией эти лица, то не без основания возгнедовали бы на Академию. Ведь есть же у нас выдающиеся физиологи в Медицинской Академии, профессора, авторитетнейшие учёные И.П. Павлов, В.Я. Данилевский»²⁴.

Овсянников возражал, защищал свое предложение, и особенно в отношении кандидатуры Кулябко.

Отметим, что работы П.И. Бахметьева были удостоены второстепенной премии. А главная награда в тысячу рублей была присуждена в 1903 г. С.Г. Навашину (1857–1930) за цикл его трудов по вопросам филогенеза. Его открытие, доказавшее наличие у покрытосеменных растений двойного оплодотворения, было признано конкурсной комиссией одним из самых крупных открытий XIX в. в области ботаники (Отчёт о присуждении... 1903).

На **пятнадцатом присуждении** рассматривались труды В.Л. Комарова и П.Н. Крылова. Первый был удостоен премии за «Флору Маньчжурии». И.П. Бородин оценил его как выдающееся произведение русской ботанической литературы, Комаров получил полную премию, а Крылов за работы по флоре Алтая и Томской губернии — малую премию.

Заслуживают внимания инициативы Бородина по выдвижению в 1903 и 1909 гг. на награждение юбилейной медалью Бэра — Ф.Н. Алексеенко и Эрнеста Руссова за их крупные пожертвования Ботаническому музею Академии наук. Музей получил от Алексеенко гербарные образцы растений, собранные во время путешествий по Кавказу и другим районам мира. Эрнест Руссов принес в дар музею собрание торфяных мхов своего отца Эдмунда Руссова, коллекцию микроскопических препаратов, много книг. Акт признания заслуг этих учёных перед Ботаническим музеем был подтверждён их награждением Бэровской медалью.

Во втором десятилетии XX в. учёные Физико-математического отделения Академии продолжали работу по проведению конкурсов К.М. Бэра. В 1915 г. (**семнадцатое присуждение**) на конкурс было представлено семь сочинений. Комиссия в составе А.С. Фаминцына, В.В. Заленского, И.П. Бородина, Н.В. Насонова, И.П. Павлова, В.И. Палладина выделила наиболее достойные, принадлежащие А.А. Максиму и Б.А. Сварчевскому. Эти работы, рецензированные зоологом В.В. Заленским, были удостоены полной и второстепенной премии.

Академики на путях поисков новых решений в иных, чем в XIX в., социально-экономических условиях, находили их, отстаивая высокие идеалы науки. Материалы Общего отчёта Академии наук за 1919 г. говорят об этом:

«Часто думают, что во времена великих переворотов и потрясений, когда гибнут многие тысячи человеческих жизней, отдельная человеческая личность теряет свое значение и свою ценность. Мы, люди науки, не можем так думать, ибо нам слишком ясна роль личности в том

²⁴СПФ АРАН. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 6–6об.

творчестве ценностей духовных, без которых величайшие достижения в области материальной лишены всякого значения, ибо именно ценности духовные и являются определителями движения человечества вперёд к совершенствованию <...> Творчество духовное зиждется на личности человеческой, и чем ярче эта личность, тем интенсивнее и творчество» (Отчёт о соискании... 1920, с. 1).

На **восемнадцатом присуждении** премии Бэра (1919) были удостоены А.Н. Северцов, Б.Л. Исаченко, Ю.А. Филипченко²⁵. Северцов получил награду за работу по эволюции низших позвоночных животных, Исаченко — за работу о бактериях Северного Ледовитого океана. Впервые награду получила работа из области генетики — «Изменчивость и наследственность черепа млекопитающих» Филипченко.

* * *

Поощрение труда учёных на примере присуждения наград имени академика К.М. Бэра убедительно доказало прогрессивный, действенный характер премиальной системы. Являясь одной из форм научно-организационного процесса, она удачно сочетала в себе функцию развития знания с его распространением в среде учёных и деятелей Просвещения. Об этом убедительно говорят премии и по другим отраслям знаний, в частности премии Митрополита Макария (1885–1919), имени А.С. Пушкина (1882–1919), имени графа Д.А. Толстого (1884–1918) (Академия наук... 2007; Рязанцева, 2008).

Публикация Отчётов о присуждении Бэровских премий способствовала знакомству учёных с важнейшими научными достижениями своего времени, стимулировала их научное творчество, содействовала установлению межличностных контактов, продвижению фундаментального знания в жизнь. Отсюда научное и общественное значение существования института наград имени К.М. Бэра во второй половине XIX — первой четверти XX в.

Награды имени Бэра Академия наук присуждала с 1867 по 1919 г. С 1976 г. премии Бэра установлены Эстонской академией наук (Таммиксаар, 2011).

В знак продолжения традиций было бы целесообразно возобновить в Российской Академии наук практику присуждения биологам премий имени величайшего естествоиспытателя Карла Максимовича Бэра.

Литература

Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М., 1974. 478 с.

Академия наук в пространстве поощрения учёных (XIX — начало XX века). СПб.: Нестор-История, 2007. 82 с.

Вернадский В.И. Памяти академика К.М. фон Бэра // Первый сборник памяти К.М. Бэра. Л., 1927. С. 1–9.

Воронцов Н.Н. Развитие эволюционной идеи в биологии. М.: Изд. отд. УНЦ ДОМГУ, 1999. 639 с.

Дарвин — член-корреспондент Академии наук // Вестник АН СССР. 1939. Вып. 10. С. 118–125.

Догель В.А. А.О. Ковалевский. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 153 с.

²⁵ Награждение по 18-му (последнему) присуждению Бэровских премий было перенесено с 1918 г. на 1919 г. Материалы были опубликованы только в 1920 г.

Донесение комиссии, читанное в заседании Физико-математического Отделения Академии наук 23 ноября 1882 г. // Записки Императорской Академии наук. 1883. Т. 44. Кн. 1–2. С. 34.

Ермолаев А.И. Серия историко-биологических сборников Института истории естествознания и техники РАН, выходящих с 1955 по 1997 г. (полное библиографическое описание) // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 2. С. 91–113.

Железнов Н.И., Рунрехт Ф.И. Разбор сочинения Н.С. Турчанинова «Flora baicalensidahurica seu descriptio plantarum in regionibus cis et transbaicalensibus atque in Daurica sponte nascentium» // 26-е присуждение учреждаемых П.Н. Демидовым наград 17 июня 1857 г. СПб., 1858. С. 37–48.

Железнов Н.И. Заявление по поводу письма А.Н. Бекетова редактору газеты «Голос» // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1873. Т. 4. Вып. 1. С. СХII–СХIII.

Журавлев Д.А. Анатомический институт ИМХА // Биология в Санкт-Петербурге: 1703–2008. Энциклопедический словарь / под ред. Э.И. Колчинского, А.А. Федотовой. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 32.

Каспийская экспедиция Бэра. 1853–1857 гг. Дневники и материалы / сост. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1984. 556 с.

Колчинский Э.И. Юбилей Ч. Дарвина в социально-культурных и когнитивных контекстах // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 15–48.

Манойленко К.В. Чарлз Дарвин и Российская Академия наук // Петербургская Академия наук в истории Академий мира. СПб., 1999. С. 190–196.

Манойленко К.В. Демидовские премии в среде ботаников // Годичная научная конференция. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М., 2006. С. 669–672.

Манойленко К.В. За и против: Отношение к чествованию памяти Чарльза Дарвина в 1909 г. // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 104–107.

Мезенин Н.А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1987. 201 с.

Назаров А.Г., Цуцкин Е.В. Карл Максимович Бэр: 1792–1876. М.: Наука, 2008. 538 с.

Овсянников Ф.В. Очерк деятельности К.М. Бэра и значение его трудов // Записки Императорской Академии наук. 1879. Т. 35. Кн. 1. С. 21–44.

О новых правилах, установленных для присуждения наград К.М. Бэра // Записки Императорской Академии наук. 1875. Т. 25. Кн. 1. С. 57–64.

Отчёт о присуждении в 1888 году Бэрских наград, читанный в публичном заседании Императорской Академии наук 29 декабря академиком Л.И. Шренком // Записки Императорской Академии наук. 1889. Т. 60. С. 50–69.

Отчёт о присуждении наград имени академика Тайного советника К.М. Бэра // Известия Императорской Академии наук. 1898. Т. 8. № 2. С. 116–132.

Отчёт о присуждении премий имени академика К.М. Бэра // Известия Императорской Академии наук. 1901. Т. 14. № 3. С. 227–234.

Отчёт о соискании премий и наград. Соискание наград академика К.М. Бэра. Читан непременным секретарем акад. С.Ф. Ольденбургом в публичном заседании Российской Академии наук — 29 декабря 1919 г. // Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 год. Пг., 1920. С. 1.

Отчёт о втором присуждении премии Тайного советника К.М. Бэра // Записки Императорской Академии наук. 1870. Т. 17. Кн. 1. С. 111–130.

Отчёт о третьем присуждении премии Тайного советника Бэра // Записки Императорской Академии наук. 1873. Т. 22. Кн. 2. С. 159–182.

Первое присуждение премии Тайного советника Бэра. // Записки Императорской Академии наук. 1867. Т. 11. Кн. 1. С. 147–192.

Присуждение Бэрской медали в 1876 г. // Записки Императорской Академии наук. 1877. Т. 29. Кн. 1–2. С. 25–30.

Присуждение наград К.М. Бэра в 1879 г. // Записки Императорской Академии наук. 1880. Т. 36. Кн. 1. С. 281–303.

Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 678 с.

Райков Б.Е. Карл Бэр его жизнь и труды. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 522 с.

Роспись отчетам о присуждении наград и премий Императорскою Академиею наук, присужденных с основания конкурсов при ней по 1908 год. СПб., 1911. 220 с.

Рязанцева Е.В. Академические награды в исторической ретроспективе XVIII—XXI вв. // Академический архив в прошлом и настоящем. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 236—249.

Самокиш А.В. Чарльз Дарвин и Императорская Академия наук: документальные свидетельства // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 95—103.

Соловьев М.М. Бэр на Новой Земле. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 51 с.

Сухова Н.Г. Основание Русского географического общества // Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение (Философский век. Альманах. Вып. 6). СПб., 1998. С. 74—82.

Сухова Н.Г., Таммiksaар Э. Александр Федорович Миддендорф. 1815—1894. М.: Наука, 2005. 330 с.

Таммiksaар Э. Бэр Карл Эрнст фон // Биология в Санкт-Петербурге: 1703—2008. Энциклопедический словарь / под ред. Э.И. Колчинского, А.А. Федотовой. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 79.

Торжественное собрание Императорской Академии наук 29 декабря 1876 года, по случаю празднования ее 150-летнего юбилея // Записки Императорской Академии наук. 1877. Т. 29. Кн. 2. С. 1—37.

Федотова А.А. «Геоботанические исследования о черноземе» Ф.И. Рупрехта // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. Вып. 1. С. 22—34.

Фролов В.А. опередивший время. М.: Советская Россия, 1980. 268 с.

Холодковский Н.А. Карл Бэр. Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1893. 78 с.

Awards Named for the Academician Karl von Baer: A History of Their Foundation and Significance

KSENIA V. MANOILENKO

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Russia; ihst@ihst.nw.ru

The article describes the foundation of the Awards Named for the Academician Karl von Baer. The author pays attention to the participation of Baer himself in the process of awarding the prizes. The article contains the information about the lists of reviewers and nominees of this prestigious prize among biologists. Emphasis is placed on the conflicts that arose during the nomination committees' work, as well as the social and cultural aspects of the tradition of rewarding scientists at the St. Petersburg Academy of Sciences at the end of 19th and beginning of the 20th centuries.

Keywords: prize and medal named for Karl von Baer, awarding the prize, reviewers, Karl von Baer, Charles Darwin, Alexander Kovalevsky, Ilya Mechnikov, Edmund Russov.